

Раиса Кирсанова

Парижская мода в Москве во время наполеоновских войн в Европе

Статья посвящена тому, как функционировала мода начала XIX века, в какой мере, ориентируясь на французские образцы, она использовала национальный культурный ресурс. В условиях военного времени, участия России в противостоянии европейских государств наполеоновскому вторжению, Континентальной блокады, торговые отношения практически прекратились. Но многочисленные магазины продолжали торговать французскими предметами роскоши, тканями, кружевами, шляпками и перчатками, веерами и тростями. Многочисленные мемуарные свидетельства указывают на замену привозных товаров российскими изделиями, производившимися на предприятиях, начало которым было положено петровскими реформами. Во французских, или называющих себя таковыми, магазинах трудились молодые горожанки или дворовые девушки, отосланные в Москву для обучения или на заработки.

Ключевые слова:

история моды, Континентальная блокада, Александр I и Наполеон, французские лавки и магазины.

В 1803 году начал выходить журнал «Московский Меркурий», издателем которого был П. И. Макаров. «Макаров был одарен вкусом, талантами, путешествовал по Европе и вообще принадлежал к умнейшим и образованнейшим людям своего времени», — писал о нем В. Г. Белинский, замечая, что «Макаров защищал Карамзина против известного в то время фанатичного пуризма русского языка»¹, с которым даже не был знаком.

Именно П. И. Макаров объявил отдел мод (ил. 1–2) «точкою зрения» своего журнала, солидаризируясь своим обликом с «карамзинистами», в частности с В. Л. Пушкиным и П. И. Шаликовым (впоследствии издателем «Дамского журнала»). Для нас важно то, что в издании, рассматривающем литературную полемику и споры о «старом и новом слоге», размещающем критические статьи о современной словесности, были и странички с последними парижскими модами. Щегольство рассматривалось как способ выразить свои умонастроения и отношение к бытовавшей косности и дальнейшему пути развития России. Литературоведы не могли не откликнуться на споры о языке, которые в начале XIX века приобрели острый характер, причем полемика велась на языке моды. Об этом писали Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский, В. А. Мильчина, О. А. Проскурин. Но как создавалась и как функционировала мода начала девятнадцатого века, в какой мере, ориентируясь на французские образцы, она использовала национальный культурный ресурс?

Обращение к мемуарным свидетельствам или литературным произведениям начала XIX столетия заставляют по-иному взглянуть на модную жизнь Москвы тех лет.

Вот что пишет иностранная свидетельница событий тех лет московской жизни: «Несколько сот лавочников распродают остатки газа и других материалов по непомерно высоким ценам, объясняя это тем,

¹ Белинский В. Г. Собрание сочинений. М., 1981. Т. 6. С. 101.

что они только что прибыли из Парижа, хотя известно, что половина этих товаров поступает из русских лавок с другого конца города»².

Герой комедии А. С. Грибоедова громко сетует:

*А все Кузнецкий Мост, и вечные французы,
Оттуда моды к нам, и авторы и музы:
Губители карманов и сердец!
Когда избавит нас творец
От шляпок их! чепцов! и шпилек! и булавок!
И книжных и бисквитных лавок!..*³

Что же могли видеть фланирующие, как заправские денди, москвичи, прогуливавшиеся по Кузнецкому Мосту? «Весело смотреть на вывески модисток, особенно, когда вспоминаешь, что предметы этой промышленности выходят из рук хорошеньких швей. И в самом деле, кто из москвичей не знает швей Кузнецкого Моста!.. Пройдите мимо любого магазина, взгляните в окно, и вам представится группа сидящих швей, занятых своей работою...»⁴

Первые французские мастера, художники и ученые были приглашены Петром I после его пребывания во Франции в 1717 году, но до воцарения Елизаветы Петровны отношения между двумя странами развивались достаточно медленно по причине внешнеполитических разногласий. Русская аристократия заговорила по-французски, Россия приютила у себя множество эмигрантов, срочно покидавших Францию после революции 1789 года. В Санкт-Петербурге даже появился французский квартал.

География торговой Москвы не ограничивалась французскими магазинами. «На Ильинке за Гостиным рядом и за Гостиным двором были нюрнбергские лавки и голландский магазин. Там мы все больше покупали шерсти для работ и шелки; чулки шерстяные и голландское полотно, которое было очень дорого, но было хорошее, ручного изделия и без бумаги; торговали и батистом, и носовыми платками, и голланд-

2 Из письма Марты Вильмот отцу. Москва. 13 декабря по новому стилю 1806 г. См.: Письма сестер М. и К. Вильмот из России. М., 1987. С. 339. Сестры прибыли в страну по приглашению княгини Е.Р. Дашковой.

3 «Горе от ума». Действие I, явление 4.

4 Взгляд на московские вывески. Сочинение Федора Дистрибуенди. М., 1836. С. 41–42.

1–2. Иллюстрации из журнала *Московский Меркурий*, 1803

ским сыром. Сарептский магазин был где-то далеко, за Покровкой и за Богоявлением: вот на первой неделе, бывало, туда все и потянутся покупать медовые коврижки и пряники, каких теперь не делают. Целая нить карет едет по Покровке за пряниками. Потом сарептскую лавку перевели на Никольскую и думали, что будет лучше, а вышло, что стали торговать гораздо хуже»⁵.

5 Рассказы бабушки. Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово. Л., 1989. С. 150. Е. П. Янькова (бабушка) подробно рассказывает о приезде немцев «какой-то особенной лютеранской ереси» (гернгутеры или моравские

Расстояние между Тверской и бывшим селом Елоховым, где и поныне стоит храм Богоявления, для собственных выездов и наемных карет казалось огромным. И даже удовольствие от коврижек и пряников изготовленных на арбузном меде, не могло способствовать конкуренции с товарами из французских кондитерских.

«Улица, называемая Кузнецкий Мост, издавна была заселена иностранцами: были французские и немецкие лавки. Теперь говорят «ехать на Кузнецкий Мост», а в наше время говорили «ехать во французские лавки». Там торговали модным товаром, который привозили из чужих краев; были и свои мастерицы в Москве, но их обегали, и кто побогаче, все покупали больше заграничный привозной товар»⁶.

Название «Кузнецкий Мост» связано с тем, что у тогдашней речонки Неглинной располагались кузницы и близ них существовал один из многих мостов. Для застройки «чистой» публикой место явно не располагало, и, даже после того, как кузни были перенесены за пределы Земляного Вала, а мосты, в том числе и Кузнецкий, сломаны, там начали размещать торговые лавки. Из высказываний Е. П. Янковой, описывающей события конца XVIII века, очевидно, что определением этноса иноземцев никто себя не утруждал. Немцами называли выходцев из Моравии (Чехия), а французами всех франкоговорящих. Это могли быть выходцы из Швейцарии или Люксембурга. По сведениям В. Ржеуцкого, во время правления Екатерины II в Петербурге проживало около 800 французов, а в Москве — 900⁷.

События в революционной Франции увеличили приток эмигрантов. И как в начале столетия, в Петербурге оседали знатные беженцы и знаменитые мастера, а в Москве селились горожане разнообразных

братья) и производимых ими товарах — горчице, тканях и горчичном масле. Оказавшись в местности, где в огромном количестве произрастали арбузы, они начали пользоваться ими, как и местное население, то есть уваривали арбузный сок и использовали его как ароматный сахар, придававший их коврижкам и пряникам особенный вкус. Очевидно, что популярные среди простолюдинов изделия не могли хорошо продаваться по соседству с французскими кондитерскими. Арбузный мед (нардек) никакого отношения к продуктам пчеловодства не имеет; его производство трудоемко от бахчи (нельзя допустить избытка влаги) до процесса выпаривания, требовавшего постоянного присутствия и внимания работников.

6 Рассказы бабушки... С. 150.

7 Ржеуцкий В. Французская колония в Санкт-Петербурге в XVIII веке // Французы в Петербурге. Каталог выставки. Санкт-Петербург, 2003. С. 71. Выражаю благодарность В. Ржеуцкому за возможность познакомиться с его работой — *Rjéoutske V. La communauté francophone de Moscou sous le règne de Catherine II // Revue des études slaves. 1996, LXVIII, № 4. P. 445–461.*

профессий. Позднее, освоившись в одном городе, вновь прибывшие постепенно расширяли свое производство и перемещались по стране, нанимая на работу русских швей, продавщиц и модисток. Уже в 1806 году из печати вышла комедия И. А. Крылова «Модная лавка», в июле того же года поставленная на сцене и не сходившая с подмостков до начала 1840-х годов. Комедия начинается с объяснения между продавщицей (Машенькой) и братом ее владелицы (Листовым).

Л.: Ну! скажи ж, Машенька, разжилась ли, разбогатела ль ты без меня, и скоро ли откроешь свою модную лавку? Такой пригоженькой и прворной девушке давно бы уже пора из учениц самой в мастерицы.

М.: О сударь! я недовольно знатного происхождения.

Л.: Как? чтоб содержать модную лавку?

М.: А вы этим шутите? И тут также на породу смотрят; и если не называешься мадам ла Брош, или мадам Брошар...⁸

У Машеньки достаточно денег, чтобы выйти замуж за француза, вернее, за французскую фамилию, но в ее случае этого недостаточно, так как далее выясняется, что Машенька остается в крепостной зависимости от сестры Листова, а значит, не может совершать никаких сделок, не получив вольную. Многие помещики отправляли своих крепостных в города, взимая оброк, и не желали расставаться с несчастными, назначая за свободу гигантские суммы.

Год появления комедии Крылова в печати и на сцене примечателен тем, что в 1806 году был обнародован указ от 28 ноября «О высылке из России всех подданных французских и разных немецких областей, которые не пожелают вступить в подданство; о не пропущении оных в Россию без паспортов Министерства иностранных дел, о прекращении действия торгового договора с Франциею и об учреждении Комиссии для разбора иностранцев»⁹. Начиная с 1798 года (первой антинаполеоновской коалиции) Россия участвовала во всех объединениях европейских государств против Франции, и это естественным образом вело к прекращению или резкому сокращению торговых поставок. Но и революционные события в самой Франции привели к спаду производ-

8 «Модная лавка», действие первое, явление первое. Цит. по: Крылов И.А. Сочинения в двух томах. М., 1969. Т. 1. С. 373.

9 ПСЗРИ, № 22371.

ства всех предметов роскоши, которые еще в XVII веке сделали Париж модной столицей Европы. Многих изобретений, вроде жаккардовой машины, которая была создана в 1808 году и позволяла производить многие метры узорчатых тканей в день (вместо 10–15 см, которых мог добиться самый опытный ткач), еще сделано не было. И первой фабрикой, оснащенной подобными станками, была фабрика Юсуповых в Купавне, под Москвой. Их замещали товарами российских производителей или ввозимыми из других стран. Все европейские монархи считали моду революционной Франции опасной для их власти и единодушно боролись с нею многочисленными запретами.

Объявление Континентальной блокады против Англии («мастерской мира», 1804) вынуждало искать способы обойти невыгодные условия Тельзитского мира (1807), и, наконец, в 1810 году был запрещен ввоз предметов роскоши из Франции и увеличены торговые пошлины.

Современники вспоминали, что: «Кстати, скажу тебе, что все мы носим лишь наряды, привезенные из Вены, Франкфурта, Лейпцига, вообще из-за границы. Не шутя, здесь постоянно получают громадные посылки с нарядами, т. к. у всех в Москве есть родственники в армии»¹⁰.

Что же было источником последних парижских мод, если собственно французских товаров, которые большей частью шли в Петербург, явно не хватало? Это были «модные картинки» парижских портных, шляпников и парикмахеров. Были нужны рабочие руки, умевшие исполнить самые замысловатые головные уборы, вышивки, отделки, муфточки и ридикюли.

Одним из особенно дорогих товаров были кружева. С 1725 года в Новодевичьем монастыре в Москве существовала «школа», в которой брабантские монахини, приглашенные еще Петром I, обучали плетению, шитью и вязанию кружев всех, существовавших на тот момент типов — венецианского гипюра, шантли, малин, блонд и др. «Школа» просуществовала до 1812 года. Русские мастерицы могли повторить любой узор и тип кружева, поэтому неудивительно, что в «Сатирическом вестнике» за 1790 год сообщалось: «Нового манера блонд и кружев,

10 Грибоедовская Москва в письмах М. А. Волковой к В. И. Ланской // Вестник Европы, 1874. Т. 4–6. Это невольно заставляет вспомнить, что в Англии многие семейства имели кузенов в Индии, которые присылали им модные кашмирские шали, тончайшие шелка и разноцветные ситцы.

11 Сатирический вестник. М., 1790. Ч. V. С. 82.

которые деланы в России, но показываемые в Парижских ящиках, продаются за иностранные»¹¹. Полиция следила за наличием таможенных печатей и часто наведывалась в магазины и лавки. Обычно за этим следовали штрафы и конфискации товара.

Самым ревностным исполнителем правительственного указа оказался Ф. В. Ростопчин. В 1801 году любимец Павла Петровича был отправлен в отставку и в ссылку в Москву. Император Александр I в 1810 году пожаловал Ростопчина в обер-камергеры, а в мае 1812-го назначил московским генерал-губернатором. У графа были и личные причины бороться с французским влиянием — его жена Е. П. Протасова тайно приняла католичество и в дальнейшем Ростопчин должен был защитить своих пятерых детей от французского влияния. Задача была не простой, потому что язык знати был французским, гостями в салонах были блестящие философы и полемисты, как Жозеф де Местр или столь же влиятельная своим статусом принцесса де Тарант.

Американская исследовательница К. Руан справедливо замечает: «Вплоть до недавнего времени большинство исследователей не рассматривало роль модной индустрии всерьез. Причины этого понятны. Большая часть литературы о развитии капитализма связывает его с индустриализацией. Индустриализация, в свою очередь, ассоциируется с созданием больших механизированных фабрик. Хотя первые мануфактуры производили текстиль, немногие исследователи пытались проследить, что происходило с тканью за пределами фабрики»¹².

Но для многих видов изделий было важно и то, что происходило с сырьем до поступления на фабрику (мануфактуру или кружевную мастерскую). В исследовании Е. А. Веригина приводятся сведения о правительственных мерах по внедрению в монастырские мастерские самопрялок (появившихся уже в начале XVIII века, дающих более тонкую и ровную льняную нить, пригодную для изготовления кружев и тонких льняных тканей). «Докуду оные пряли в том вашем монастыре

12 Руан К. Новое платье империи. История российской модной индустрии 1700–1917. М., 2011. С. 28.

13 Веригин Е. А. Новотроцкий Воскресенский женский монастырь. Исторический очерк. Тверь, 1910. С. 26. Самопрялки впервые появились в Индии, но в XIV веке попали в Европу. Использовались почти во всех странах с разными усовершенствованиями. Вместо веретена использовалось колесо, а ножная педаль освобождала руку пряжи. Известно, что самопрялкой пользовалась императрица Мария Федоровна (прялка хранилась в Старом шале в Павловске).

для обучения других будут, пока оные инструменты велеть сделать из монастырской казны вскорости без отлагательства дабы впредь могли выше показанное дело отправлять своими инструментами»¹³. Высокое качество русского льна, благодаря исключительным природным условиям для выращивания этой культуры, вытеснило с мирового рынка льняное кружево других стран. А знаменитые елецкое и вологодское кружево (мерное и штучное), национальное своеобразие которого составляет активное использование цвета, высоко ценится до сих пор.

В Москве, по разрешению Екатерины II, после письменного обращения франкоговорящих католиков, в 1789 году был построен деревянный храм Св. Людовика, освященный 30 марта 1791 года, поставленный на участке между Лубянской и Милютинским переулком. В 1833 году началось строительство каменного храма по проекту архитектора Жиллярди, но освященного только 17 июня 1849 года. При храме с самого начала было две гимназии (для девочек и мальчиков), которые сохранялись довольно долго и способствовали «наследованию языка». Но желавшие добавить дополнительные занятия и при этом ограниченные в средствах открывали свои собственные пансионы. Так поступило семейство Монигетти, старший сын которых Ипполит стал известным русским архитектором¹⁴.

Появление католического храма естественным образом консолидировало франкоговорящих католиков. В церкви происходили венчания, крещения и отправлялись мессы, туда водили детей на занятия. Известно, что если первое поколение эмигрантов искало пару для брачного союза среди своих, то второе уже вступало в браки с русскими или другими иностранцами. Также поступали когда-то и гугеноты, появившиеся в Московии еще в XVII веке, сначала искавшие себе родню только среди протестантов.

Одним из первых, кого изгнал из Москвы граф Ростопчин, был Николай Обер, хорошо известный в Москве своей личной храбростью.

14 Ипполит Антонович Монигетти унаследовал способности к рисованию от матери, Шарлотты Осиповны, чья модная лавка располагалась на Петровке. Он одинаково хорошо владел русским, французским и итальянским языками. Одним из пансионеров его матери был будущий писатель Д. В. Григорович, оставивший подробное описание своей жизни в пансионе госпожи Монигетти в своих «Воспоминаниях», обратив особое внимание на обязательное посещение уроков в Строгановском училище. В дальнейшем будущий писатель уделял много внимания художественному образованию в России, он автор «Прогулки по Эрмитажу».

В сентябре 1803 года он принял участие в показательном полете французского воздухоплателя Андре-Жака Гарнерена, а дома оставались его малолетние дети — Федор и Лаврентий. Но Ростопчину была еще более ненавистна его жена Мари-Роз Обер-Шальме, державшая «Магазин художественных бронз и других ценных вещей», на дороговизну товаров в котором поступали постоянные жалобы мужей и отцов. В 1798 году ее магазин находился по адресу Кузнецкий Мост, 16 (ныне не существует), а затем переехал по адресу Глинищевский переулок, д. 6 (сохранился лишь фасад)¹⁵, в собственный дом ее мужа, купленный им у графа Людовика де Жилли.

Описанный И. А. Крыловым полицейский обыск в «Модной лавке» с целью выявить товары без печатей (то есть контрабанду) широко применялся Ростопчиным. В частности, он уличил Обер-Шальме в контрабанде на 200 тыс. рублей, что говорит о масштабе торговых оборотов в ее магазине. С ее именем связано множество историй, которые документально не подтверждаются. Прежде всего подозрения на ее общение с Наполеоном в Москве. И первым доказательством сомнительности подобных утверждений служит то, что Николя Обер смог воспользоваться манифестом Александра I от 30 августа 1814 года и вернуть себе дом в Глинищевском переулке, а затем превратить его в гостиницу, что не позволялось гражданам, опороченным сношениями с врагом.

Высокие цены и размах торговли породили прозвище удачливой дамы — «обер-шельма», которое впервые встречается в дневниковой записи С. П. Жихарева от 6 января 1805 года¹⁶. Запись была сделана по случаю большого бала у Высоцких (кузин Жихарева). «Записки» увидели свет только в 1853 году, но прозвище никогда не исчезало из рассказов о московской жизни начала девятнадцатого столетия, как синоним расточительства и капризов моды.

Нам неизвестны точные биографические сведения о ней, кроме тех, что связаны с ее замужеством и рождением сыновей. В работе Т. В. Руденко со ссылкой на «Русский биографический словарь» сообщается, что «Роза Обер-Шальме последовала за французской армией, но до Парижа не добралась — умерла в Вильне. Двое ее сыновей достигли Парижа, усилиями родственников матери получили там хорошее обра-

15 Дом уцелел во время «московского пожара», потому что там квартировали наполеоновские офицеры, а в советское время потому, что в этом доме бывал А. С. Пушкин.

16 Жихарев С. П. Записки современника. Л., 1989. Т. 1. С. 34.

зование и... в 1820-х годах появились в Москве, где вступили в русское подданство»¹⁷.

Не сомневаясь в авторитетности издания, которое начало выходить под руководством Председателя Императорского Русского исторического общества А. А. Половцева, все же следует принять к сведению его мнение «о неизбежных несовершенствах» издания, высказанное им в предисловии к первому тому. В данном случае вызывает сомнение «хорошее образование», полученное в Париже. Достаточно вспомнить, что писала Полина Гебль (в замужестве Прасковья Егоровна Анненкова), приехавшая в Россию только в 1823 году: «Кто не был очевидцем того горя и отчаяния, которое овладело Францией после кампании 1812 года, тот не может себе представить, что за ужасное было время. Повсюду слышались плач и рыдания. Не было семьи, которая не надела бы траур по мужу, сыну или брату... Но тут начинается целый ряд бедствий для всей Франции, и стоны и слезы увеличались»¹⁸.

Далее она описывает возвращение разбитого войска после Лейпцигской битвы, и чуму, которую принесли с собой больные и искалеченные солдаты, и голод. Никаких свидетельств о парижской чуме того времени нет, но инфекции, сопровождающие истощенных, обмороженных и грязных людей, вполне возможны. Мать Полины заболела тифом, как известно, передающимся насекомыми, хотя описание симптомов более всего соответствует цинге, вызываемой недоеданием.

Лаврентий Николаевич Обер, младший сын знаменитой модистки, был знаком с А. С. Пушкиным и потому включен Л. А. Черейским в указатель «Пушкин и его окружение». Там говорится: «Сын французского эмигранта, учитель французского языка, вполн. управляющий конторой имп. московских театров, статский советник»¹⁹. Такая же биография

17 Руденко Т. В. Модные магазины и модистки Москвы в первой половине XIX столетия. М., 2015. С. 48. Издание этой книги, казалось бы, должно было бы заставить автора настоящей статьи отказаться от дальнейшего исследования. Но дело не только в том, что Москва занимает лишь малую часть книги (Петербург, Одесса, Кострома, Ярославль и пр.), а первая половина столетия начинается с 1820-х и заканчивается 1870-ми годами. Высоко оценивая кропотливый труд Т. В. Руденко, я обращаю внимание, что наши цели и задачи не совпадают. Мне хотелось бы показать, что за иностранными вывесками скрывались русские наемные работники и работницы, что, учитывая политические события первой четверти века, поставки исходного материала действительно связаны с национальными производителями. А это, в свою очередь, свидетельствует о том, что реформы Петра I начали приносить свои плоды на рубеже XVIII и XIX веков.

18 Анненкова П. Воспоминания. М., 2003. С. 20–21.

19 Черейский Л. А. Пушкин и его окружение/Под ред. В. Э. Вацуло. Ленинград, 1989. С. 299.

была и у старшего брата, Федора Николаевича Обера, который начал свою деятельность гувернером в доме А. М. Гедеонова, был привлечен им к работе в конторе императорских московских театров, последовал за ним в Петербург, а по окончании службы уехал во Францию. Сын Лаврентия Обера стал первым русским скульптором-анималистом.

То, чему могли научить в гимназии при храме св. Людовика, вероятнее всего, и было хорошим образованием, потому что страну наводнили вынужденные бежать со своей родины многие блестящие светские люди. Первым учителем французского языка и первым воспитателем у А. С. Пушкина был граф де Монфор — «человек образованный, музыкант и живописец»²⁰.

Вкусы светской публики Петербурга и Москвы не могли избежать влияния французской аристократии во всех сферах жизни. Вместе с беженцами прибывала и какая-то часть мебелировки, фарфора, ювелирных украшений, тканей, нарядов, кружев и вееров, перекочевавших затем во французские лавки. С ними приезжали их слуги — парикмахеры, модистки, горничные и лакеи, легко находившие себе службу в домах русских богачей — пенсии от русского правительства получали далеко не все. Именно это и породило разнообразных комических персонажей в русской литературе, претендовавших на роли учителей и наставников, хотя лучше всего они знали обязанности лакея или горничной.

Торговля, несомненно, оживилась, но французские магазины и лавки оттеснили торговлю русских купцов на окраину города. Все же нельзя не помнить о том, что бесконечные иностранные магазины и лавки состояли не только из хозяина или хозяйки, давших свое имя торговому заведению, но и из швей, разносчиков товара, учеников и подмастерьев, которых набирали здесь же, в Москве. Прибывшая семья далеко не всегда была столь многочисленна, чтобы справляться с возложенными на себя обязательствами. Прядение, вышивка или плетение кружев, изготовление шелковых цветов или гирлянд для отделки бальных платьев требовали искусных женских рук, привыкших с детства заниматься рукоделием. Сыновья могли работать приказчиками, управляющими и т. д., а для изготовления шляпок приходилось нанимать учениц из московских семей, проживавших в этом же околотке.

20 Там же. С. 269.

3. Павел Федотов. *Мышеловка (Бедной девушке краса — смертная коса)*. 1844
Сепия. 29 × 35,1. Государственная
Третьяковская галерея

Навыки рукоделия были обязательны для дочерей из любых социальных условий. В большой степени, это было связано с тем, что девушки могли дарить мужчинам-родственникам только подарки, сделанные своими руками. Это были вышитые кисеты, платки с монограммами, кошельки и домашние туфли, бисерные подстаканники или бисерные же кольца для салфеток, плетеные из волос колечки, вышитые пейзажи, изображения животных. Уже из перечня этих предметов очевидно, что речь идет о горожанках, а не сельских жительницах.

Зажиточные семейства могли поручить подготовку приданого монастырской мастерской или наемным работницам — обязательной деталью были «метки» (инициалы, выполненные особым выпуклым вензельным швом). Приданое вплоть до середины XIX века выставлялось на всеобщее обозрение у всех слоев общества.

Существовало множество негласных правил, с которыми все жители города должны были считаться. Например, «кобеднешний» наряд для посещения церкви по воскресеньям и большим религиозным праздникам был обязательным признаком выражения богобоязненности и уважения к окружающим. Как бы скудно не жила семья, следовало иметь порядочный стол для разговения, печь куличи и красить яйца для обмена с соседями. Нарушение обычая могло привести к осуждению и значительным проблемам впоследствии. Но не только повседневный обиход подчинялся «культуре бедности», но и другие особенности жизни. Родители старались выучить хотя бы одного сына, с тем, чтобы он мог помогать своим родителям и младшим братьям и сестрам — профессия учителя, врача и даже адвоката были предпочтительны. Приданое начинали готовить очень рано, чтобы не ударить в грязь лицом. А для того, чтобы получить в своем приходе разрешение на сбор приданого особенно бедным или сиротам, было необходимо иметь ничем не запятнанную репутацию, а также особый документ. Деньги выплачивались благотворителями по жребию. Те, кто выгащил счастливый билет, имели право при заключении первого брака получить воспомоществование, причем дворянкам выплачивались суммы вдвое большие, чем мещанкам.

В пьесе А. Н. Островского «Не было ни гроша, да вдруг алтын» есть описание такого документа: «Верно ты говоришь, сокровище. Я им свидетельство достал на бедную невесту. Вот я что! И священник подписал, и староста церковный подписал. <...> Пойдут по городу, по лавкам, что денег-то наберут! Какой доход! Счастье ведь это! Счастье!»²¹

«Штучницы» (надомницы) получали слишком мало (пятак за рубашку) и, не имея иной возможности выбраться из нищеты, оказывались в руках алчных родственников или уличных свах, сопровождавших девушку по лавкам и магазинам. Такую сцену изобразил П. А. Федотов в широко известной «Мышеловке (Бедной девушке краса — смертная коса)» (1844, Государственная Третьяковская галерея). (Ил. 3.)

В работе А. А. Погодиной, посвященной творчеству В. А. Тропинина, отмечен особый интерес художника к «представителям разрас-

21 Островский А. Н. Полное собрание сочинений. М., 1974. Т. 3. С. 411. Ранее сообщается, что героиня (Настя) зарабатывает тем, что «рубашки берут русские ситцевые на площадь на продажу, по пятаку за штуку» (с. 404). По сути дела, это разрешение собирать милостыню «да, счастье... на мосту с чашкой». Героиня, красавица-сирота, изгнанная за красоту из дома своих родственников потому только, что родные дочери благодетелей не выдерживали сравнения с нею.

тавшейся городской промышленности. В альбомах мастера немало таких зарисовок. Пусть и мелкие, но подобные мастерские производили товары потреблявшиеся москвичами и расходившиеся по стране. (По подсчетам историка Москвы Ивана Забелина в 1830–1840-х годах число мещан и ремесленников обоего пола в городе составляло 75300 человек.) Тропинин мог постоянно наблюдать трудовую жизнь города. Ближайшие золотошвейные мастерские располагались недалеко — на Пречистенке, в Гостином дворе. Разумеется, при создании картин он социально-экономическими категориями не мыслил, но однако новое уловил верно»²².

Его картины «Кружевница» (1823) и «Золотошвейка» (1826, обе — Государственная Третьяковская галерея) (ил. 4–5) исполнены интереса к занятиям изображенных девушек. Он тщательно прописывает инструменты, с которыми они работают. Плетущая кружево девушка подняла глаза на зрителя, который может увидеть, как обустроено ее рабочее место, рассмотреть булавки, вокруг которых она обвивает коклюшками наколотый на подушке узор, сами кружева, которыми уже обшита часть полотна.

Золотошвейка сидит спиной к зрителю, но ее поза позволяет видеть то, что обычно скрыто, — шпулечную доску, из которой вынуты разнокалиберные катушки с золотной нитью, которой она наносит цветочный узор на ткань, натянутую на пяльцы.

Шитье золотой (золотной) нитью было одним из самых древних ремесел и единственным, которое не только не исчезло с петровскими реформами, но продолжало развиваться и сохранилось до наших дней. Потребность в нем была велика не только в церковной среде, но и для отделки военных мундиров, изготовления знамен (знаменщики), а потом и дамских нарядов и аксессуаров. Самым знаменитым центром золотного шитья является Торжок. Все эти работы требовали хорошего освещения, поэтому прохожие (Тропинин, например) могли видеть у окон хороших горожанок. Свечи берегли, а масляные лампы были не по карману наемным работницам. К сожалению, сведений о цене таких работ мы пока не имеем. Лишь Полина Гёбль упоминает о стоимости своих работ на продажу: «Во Франции принято вообще, чтобы все девушки зарабатывали деньги на свои мелкие расходы, и мы

22 Погодина А. А. Василий Тропинин. М., 2001. С. 23–24.

4. Василий Тропинин. *Кружевница* 1823. Холст, масло. 74,7 × 50,3 Государственная Третьяковская галерея

5. Василий Тропинин. *Золотошвейка* 1826. Холст, масло. 81,3 × 63,9 Государственная Третьяковская галерея

с сестрой не отставали от других. Продавая свое шитье и вышивание, мы получали от 4 до 5 франков в день. Но недалеко от нас жила девушка, которая выручала до 36 франков в день, зато, бедная, вогнала себя в чухотку»²³.

Мода на шали принесла с собой новые способы заработка для рукодельниц. Появились мастерские по починке шалей. Тонкие одноцветные «серединки» быстро рвались под тяжестью разноцветных «койм». «Все носят шали, они в большой моде, и чем их больше, тем более вас уважают. У меня шесть. Нужно сказать, что мода эта чрезвычайно удобна.

23 Анненкова П. Воспоминания... С. 17. Воспоминания бывшей продавщицы (приказчицы) из дома Дюманси были ею продиктованы младшей дочери Ольге и вышли впервые в «Русской старине» в 1888 году. Гёбль сблизилась с Анненковым уже летом 1825 года, так как 11 апреля 1826 года у нее родилась дочь. В канун 1826 года, узнав об аресте своего избранника, она, едва оправившись от родильной горячки, отправилась в Петербург, чтобы помочь бежать своему избраннику. Для этого ей пришлось

Шали бывают огромных размеров (даже в три человеческих роста), один конец обертывается вокруг руки, другой спускается до земли»²⁴.

В Москве таких мастерских было в начале столетия две: чиновница Матрена Пелецкая открыла такую в Пречистенской части с 30 работниками, а Анна Смирнова в Сретенской части с 10. Серединку можно было полностью заменить, если мода требовала более нежных оттенков, чем в самом начале столетия, а можно было произвести виртуозную штопку. Занимались подобным рукоделием не только женщины, но и мужчины. Высокое искусство штопальщика стало сюжетом для рассказа Н. С. Лескова «Штопальщик» (1882). Дочь художника, рисовальщика и медальера графа Федора Толстого оставила описание убранства своего дома, выполненное по эскизам отца: «Удивительно, как папенька с помощью женских рук матери моей и теток ухитрился дешевым способом меблировать свою квартиру в греческом вкусе. Так все было изящно и необыкновенно, что даже заезжавшие к нам изредка бомондная родня разевала рот от удивления... Мебель вся была сделана по рисункам папеньки охтенским мужичком-столяром. Обивку для мебели по самым простым дешевым материям греческими узорами вышивали три мои тетки. Обивала мебель, драпировала и вешала занавески сама маменька, она у нас между прочими ее искусствами, была и искусный обойщик... А главное, что в ней было дороже всего, — это то, что она на лету схватывала мысли своего мужа-художника и исполняла их в точности. Описывать всю обстановку нашей новой квартиры было бы долго. Но ее ведь и теперь во всякое время можно видеть, стоит только погулять по залам Академии художеств и взглянуть на семейную картину графа Ф. Толстого»²⁵.

распродать все свое имущество. Отчаянная попытка не удалась, как и возможность встретиться с императором и обратиться к нему лично, так как на свои письма, написанные по-французски, француженка не получала ответа (Николай требовал, чтобы все просьбы писались по-русски). Ей удалось его встретить только в Вязьме на маневрах. Император выслушал ее, разрешил ехать в Сибирь, выделив небольшую сумму на дорогу, но запретил брать с собою дочь, что запрещалось и другим дамам. Сильный характер, жизненный опыт и умение выживать в самых трудных условиях сделали ее другом многих сосланных. Романтическая история любви, заставившая свободную женщину выбрать каторгу, послужила сюжетом для повести Александра Дюма «Учитель фехтования, или Полтора года в Санкт-Петербурге» (1840) и фильма «Звезда пленительного счастья» (1975). На каторге ее неоднократно рисовал Николай Бестужев, а один из портретов 1830 года она сумела отправить своей матери. Подробно ее история рассказана И. С. Зильберштейном, см.: *Зильберштейн И. С. Художник-декабрист Николай Бестужев. М., 1977. С. 148.*

24 Письма сестер М. и К. Вильмот из России... С. 238.

Было достаточно много одаренных женщин, создававших великолепные вещи для собственных нужд или для членов своей семьи, но никому в начале столетия не приходило в голову открыть свое собственное дело из-за сословных предрассудков. Заядлый театрал С. П. Жихарев выразил общественное мнение, записав в своих дневниках: «Я очень понимаю, что талантом можно возвысить свое положение в свете, и нимало не удивляюсь, если горничная, булочница или швея поступают на сцену, делаются актрисами или танцовщицами, но чтоб актриса, жена превосходного актера, обратилась добровольно в швею — этого постигнуть не могу. Однако ж пример перед глазами. Проезжая Кузнецкий Мост, я заметил на доме Дюмутье новую вывеску: *Nouveau magasin de modes* — новый магазин мод госпожи Дюпре, бывшей актрисы французского театра в Москве. Вот куда спустилась рыжая Арисия»²⁶. А ведь мемуарист прекрасно знал, что общество, наслаждаясь игрой, пением или танцем талантливых актеров, отказывает им в личном уважении и не признает их равенства с собой. Достаточно вспомнить, что в весьма популярном труде барона Адольфа фон Книгге «Об обращении с людьми» (1788) молодым людям предлагается не водиться с актерами (избегать их общества)²⁷. Если учесть, что по убеждениям фон Книгге был человеком Просвещения, проповедовал уважительное отношение людей друг к другу и к представителям других конфессий, то предупреждение о дурном влиянии актеров на молодых людей выглядит довольно резко.

Именно Жихарев первым рассказал об «александровских букетах», которыми жительницы Берлина приветствовали Александра I и русскую армию: «<...> это букеты, которые собраны из цветов, составляющих по начальным буквам своих названий имя Alexander. Без этих букетов ни одна порядочная женщина не смеет показаться в обществе, ни в театр, ни на гулянии. Вот из каких цветов составляются букеты,

25 *Каменская М. Воспоминания. М., 1991. С. 80.* Упомянутая мемуаристкой картина (1830) хранится с 1897 года в Государственном Русском музее, а до 1851 года была собственностью графа Ф. П. Толстого. После появления на «Художественной выставке редких вещей, принадлежащих частным лицам» под названием «Семейная картина», она, видимо, не покидала Академии художеств. Выставка была устроена в пользу кассы Общества Посещения бедных.

26 *Жихарев С. П. Записки современника... С. 165.*

27 *Книгге А. фон. Об обращении с людьми. Часть I. СПб., 1820. С. 13.* Полный перевод труда Книгге появился в 1820–1823 годах, но в виде извлечений в четырех томах выходил по-русски с 1803 года.

которые разнятся только величиной и ценностью: большие носят на груди, а маленькие в волосах»²⁸.

Искусственные цветы как элемент декора причесок или платьев были популярны в России еще в XVIII столетии, но их чаще делали из ювелирных материалов (драгоценные металлы и камни, даже фарфор, что было мужским занятием). Цветы из шелка, бархата, батиста могли делать и начали делать женщины. Расход материала был небольшим (кусочки тканей покупались в Лоскутном ряду в Гостином дворе). Клей и нужные для тиснения инструменты находились дома, например плойки для укладывания волос. Время от времени возвращалась мода на живые цветы-аксессуары, но долговечные искусственные были востребованы шляпницами, портнихами и парикмахерами при подготовке к балу. Цветы были нужны и как принадлежность для котильона. Почти «александровский» букет — в вазе на портрете императрицы Елизаветы Алексеевны работы Ж.-Л. Монье (1802, Государственная Третьяковская галерея), тем более, что героиня касается рукой цветка, входящего в букет для обозначения буквы D (*dreifaltigkeitblume* — «веселые глазки»; очень быстро это название превратилось в «анютины глазки»). Впрочем, многие портреты конца XVIII столетия включали в композицию букет в вазе. Таков портрет Елизаветы Алексеевны в придворном платье «по-царице» работы Виже-Лебрэн (1796, Государственный Эрмитаж).

Здесь же следует отнести и цветочные венки при парадных костюмах, которые можно видеть на многих портретах конца екатерининского царствования, которые сменили собой более дорогие ювелирные уборы.

Представление о размерах городского пространства меняется во времени, что естественно. Населенной считалась лишь та часть города, где жила светская публика. «В Новый год и на Святой, — рассказывает современник, — самый большой расход визитным карточкам. Лакеи на извозчиках, верхом и пешком рыскают по всему городу. Москва так велика, что эта развозка билетов бывает иногда весьма затруднительна и тягостна <...> Впрочем, разносчики билетов находят средство облегчить

28 Подробнее см.: Кирсанова Р. М. Розовая ксандрейка и драдедамовый платок. Костюм — вещь и образ в русской литературе XIX века. М., 1989. С. 22. Жихарев описывает события 1805–1809 гг.

29 Цит. по: Лаврентьева Е. Светский этикет пушкинской поры. М., 1999. С. 113.

6. Павел Федотов. *Магазин*. 1844
Бумага, сепия, кисть, перо. 32,3 × 50,9
Государственная Третьяковская галерея

свои труды: у них есть сборные места, главные из них в Охотном ряду; там они сличают свои списки и меняются визитными карточками. Разумеется, это не всегда бывает без ошибок»²⁹.

Для модистки ошибка была бы непростительна, а это значит, что эти барышни могли читать и даже по-французски, чтобы доставить адресату готовую шляпку или образчики тканей и отделок.

Модные дома имели обыкновение выезжать со своими товарами на ярмарки в другие города, чтобы приобрести как можно больше заказчиков. Заказывать товары и получать их можно было по переписке. Это даже породило целый литературный жанр «Письма провинциального друга столичному жителю», в котором был замечен даже И. А. Крылов.

В Москве, удаленной от чиновничьего Петербурга, магазинов и модных лавок было меньше и ассортимент товаров не столь разнообразен.

Можно даже сказать, что и московская мода отличалась от петербургской, о чем неоднократно писали (А. И. Герцен). Магазины Москвы не выглядели дворцами, а были скромными анфиладами в две-три комнаты. Там торговали не только тканями, но и вином, фарфором, шляпками и чулками. В дальней комнате располагались мужские товары. Интерьер такой лавки можно увидеть на сепии П. А. Федотова «Магазин». (Ил. 6.)

Модная лавка мадам Обер-Шальме была исключением, поскольку размещалась в собственном доме, о размерах которого можно судить по сохранившемуся фасаду, внутреннему двору и другим, сильно перестроенным, помещениям. Перед большими балами, коронациями или в дни тезоименитства членов царской фамилии проезд по Глинцевскому переулку был запружен каретами с гербами, между которыми сновали горничные, курьеры, лакеи со свертками и шляпными коробками в руках. Возможность использовать часть жилого дома под магазин появилась у торгующих только в 1797 году, чем и воспользовалась новоиспеченная мадам Обер.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

1. Анненкова П. Воспоминания. М., 2003.
2. Грибоедовская Москва в письмах М. А. Волковой к В. И. Ланской // Вестник Европы, 1874. Т. 4–6.
3. Взгляд на московские вывески. Сочинение Федора Дистрибуэнди. М., 1836.
4. Каменская М. Воспоминания. М., 1991.
5. Письма сестер М. и К. Вильмот из России. М., 1987.
6. Рассказы бабушки. Из воспоминаний пяти поколений записанные и собранные ее внуком Д. Благово. Ленинград, 1989.
7. Жихарев С. П. Записки современника. Л., 1989. Т. 1.
8. Черейский Л. А. Пушкин и его окружение / Под ред. В. Э. Вацура. Ленинград, 1989.

Литература

9. Зильберштейн И. С. Художник-декабрист Николай Бестужев. М., 1977.
10. Кирсанова Р. М. Розовая ксандрейка и драдедамовый платок. Костюм — вещь и образ в русской литературе XIX века. М., 1989.

11. Лаврентьева Е. Светский этикет пушкинской поры. М., 1999.
12. Ржеуцкий В. Французская колония в Санкт-Петербурге в XVIII веке // Французы в Петербурге. Каталог выставки. Санкт-Петербург, 2003.
13. Руан К. Новое платье империи. История российской модной индустрии 1700–1917. М., 2011.
14. Руденко Т. В. Модные магазины и модистки Москвы в первой половине XIX столетия. М., 2015.
15. Погодина А. А. Василий Тропинин. М., 2001.
16. Rjéoutski V. La communauté francophone de Moscou sous le règne de Catherine II // Revue des etudes slaves. 1996, LXVIII, № 4.